

«Непридуманные пьесы» Ю.Мирошниченко, Новосибирск, 2011

Страстной бульвар, 10. - Выпуск № 1-141/2011, [Книжная полка](#)

«Рабы 48 километра» у «Стены плача»

Если вы не «снежный человек» и не «пещерная бабка», не «кукла» и не «рабы 48 километра», то вне зависимости от того, «кто убил Кеннеди», помните, что у нас есть своя «стена плача», где до сих пор слышны «кони», где еще живет «легенда о мятежном генерале», и постарайтесь не допустить, чтоб жили вы в «поселке», где вас называют всего лишь «зверь Машка», а душа ваша необратимо подвергнута была бы «эвтаназии». Этот баловной, всего лишь словесно-игровой коллаж из названий пьес **Юрия Мирошниченко**, как ни странно, вдруг становится призывной мольбой о спасении, о несогласии с тем, что с нами происходит.

«Я всю жизнь пишу одну историю - историю своей шахты и деревни, которая живет вокруг нее», - говорит о себе автор. Именно эта «одна история», растворенная в одиннадцати разных по жанру и оригинальных по замыслу пьесах, составивших новый двухтомник, получила название **«Непридуманные пьесы»**.

Они, действительно, непридуманные - столько сочной, узнаваемой ткани жизни дышит на страницах книги. Речь, характер, ситуация - будто коснулся:

Панова. Ты приезжаешь - и пошел по кругу: поселок, шахта, тайга, кладбище.

Найдин. Вот бродил по поселку и вспоминал. И как мы с отцом на рыбалку ходили за хариусом на Ключевую, и как вечером возвращались из тайги. Стучат компрессоры, а мне казалось: сердце мое стучит.

Но они и великолепно придуманы, талантливо сочинены, осмыслены и обобщены до самых сложных точек, до проклятых вопросов, до вершин человеческого мышления. Не случайно в публикациях о драматурге его шахтерский поселок не раз сравнивали с фолкнеровским городком.

Герои Мирошниченко - не спинозы, но мыслящие тростники. Порой по поводу самых ординарных событий они приходят к умозаключениям, равным каким-нибудь высоким словам классической трагедии, как, например, астроном из комедии «Кукла»: *«Я наблюдал за жизнью планет, бродил по дорогам вселенной. Я узнавал небесный мир, и он становился мне ближе и понятнее, чего, к сожалению, не скажешь о моем земном существовании. Сказать, что все в этой жизни взаимосвязано, что обретая в одном, мы теряем в другом, что за все надо платить и т. д. и т. п. - значит не сказать ничего. Земля, деревня с ее обитателями так и остались для меня тайной, терра инкогнита»*.

Культурными парадигмами полны и авторские ремарки: *«Рыжий только что вернулся из Парижа. Про него можно сказать, что он удачно вписался в новую реальность. Но в отличие от своих сверстников, чья принадлежность к шестидесятникам определялась критикой Сталина, чтением Ахматовой, Цветаевой и Мандельштама, его кумир - Достоевский»*.

На фантастической способности услышать вечность в «мусоре жизни» основаны приемы, казалось бы, неожиданных, но на самом деле очень точных сюжетных параллелей. Так в пьесе «Зверь Машка» бытовая ситуация выходит на уровень фантазмагии, анекдотичный случай (чудик Федор соглашается с просьбой владельцев перекормленной свиньи убить это животное, долго борется с ней и не возвращается после охоты, о чем все благополучно забывают, а после в банальной бытовой суете даже не способны оплакать соседа) становится притчей: низменная, свинская жизнь людей все человеческое измельчает до крайности, но, как ни смешно, новый виток жизни убогих, приземленных

персонажей идет по новому свинскому кругу - в финале они бегут по случаю купить дешевых поросят.

О своеобразии пьес Юрия Мирошниченко немало размышляли критики и режиссеры, ищущие стилистику будущих постановок. Самый распространенный термин, найденный для его сочинений, - фантастический реализм. И комедии, и трагедии его объединяет видение темы, пронизанное юмором и сочувствием. Абсурд, дурацкость, бездуховность и скудость мира не явлены отдельно - все беды, весь распад одновременны с духом родной воспроизводимой для театра жизни, полной дружбы, мужества, терпимости, силы и права быть собой.

Похоже, Юрий Мирошниченко изобрел свой собственный способ рисовать абсурд жизни, на который он смотрит не только со стороны, но понимает изнутри и любит эту нелепую и по-своему святую родину. Но, будучи выпускником ВГИКа и сценаристом многих замечательных документальных фильмов, в том числе и о российской глубинке, он мыслит не только сценически. Его писательское око еще и кинематографично - отсюда пьесы, как картинки жизни, запечатленные, как будто смотришь на них в натуре. Так это выглядит в сцене из пьесы «Кто убил Кеннеди», когда прозревший герой расправляется со своим подлецом-напарником: *«Мгновение они смотрят друг на друга. Откуда-то сверху раздается уже знакомый нам звук лопнувшей струны. Наступает тишина. И в ту же минуту Рыжий бьет Ленчика, тот в ответ, снова удар Рыжего... Длится это не более десяти секунд, после чего Ленчик уходит в оборону, стоит, навалившись спиной на стену. В какой-то момент он делает шаг вперед, но Рыжий бьет стулом по голове. Идет к креслу, садится, тяжело дышит. Из глубины сцены появляется вереница людей, какими они видятся в воспаленном мозгу Рыжего: мать, Анна Ивановна, Кеннеди, мужики из бригады и люди, совершенно не знакомые, с которыми он когда-то соприкасался в жизни. Последним выходит отец в шляпе и галстуке, таким он остался на довоенных фотографиях. Они окружают Рыжего, образуя своего рода греческий хор, потом исчезают. Рыжий сидит в кресле, пока телефонный звонок не возвращает его к реальности»*. Документалистика как формообразующий и мировоззренческий фильтр во многом объясняет феномен письма Мирошниченко.

«Я единственный в мире писатель, который научил шахтеров читать пьесы», - как-то сказал Мирошниченко. Что это? Явление литературы народу? Умилительный анекдот? Да, да, читают и судят, толкуют о прочитанном мускулистые мужики, никогда никакой словесности не касавшиеся, потому что он - их гордость, пророк, достояние. Об этом когда-то великолепно написала известный журналист Замира Ибрагимова: *«Живут в его пьесах люди грешные, смешные в бытовых коллизиях, трагичные - в горьких прозрениях: «нас никогда за людей не считали». И пишет он их для того, чтобы на себя посмотрели, увидели и комический абсурд, и трагизм будничного существования. И, как один из героев трагедии «Кони», открывали бы такую, кажется, простую, но такую сложную для «выдавливания из себя раба» истину: «Все на кого-то валят, виноватых ищут. Человек - он, по-моему, и есть человек, что у него самого голова на плечах»*.

Но не меньшее уважение к текстам-спектаклям Мирошниченко рождается и у публики, искусству приверженной, по делу и судьбе ему принадлежащей: выход двух книжек, постановки «Зверя Машки» и «Пещерной бабки» в Областном театре драмы - события в Новосибирске памятные. Причем сущностные, мыслительные, потому что весь конкретный, реальный материал шахтерской жизни у него складывается в убедительный, впечатляющий миф о народе. Там есть свои боги и герои, своя святость и свой апокалипсис. Такой замес подлинного и обобщенного до библейской мощи и есть основа художественного материка пьес об обетованной шахтерской земле. Рваной от экономических катаклизмов, затопленной политическими ураганами, растоптанной предательством властей, но живой, трепетной, мужицкой. *«Воспоминания - наркотики. Они приятны в разумных пределах. Пройдет время, и мы станем мифами. Так что успокойся, тебе не в чем себя винить. Шахта и так бы развалилась, не сегодня так*

завтра. Все уходит. И люди, и шахта», - размышляет героиня пьесы «Стена плача». Только вот второй герой этой истории хочет вернуть прошлое, восстановить шахту, отменить подлый передел исконного мира, погубивший тысячи судеб.

Источник этих судеб - труд, тяжелый, шахтерский, требующий уже привычного, но нечеловеческого напряжения. Об этом в трагедии «Кони»: *«Вы называете жизнью то, что вкалывали в шахте, в грязи, холоде, голоде, как кони».* Или: *«Через два дня я спустился в шахту - мы ходили по участку, собирали людей в мешки. Набрали пятьдесят три человека. Ночью их выдали на-гора».* Но это место, шахта, - единственное, что стало сутью ежедневного напряжения, смыслом работы, нужной и важной - общей! Так в рассказах Юрия Мирошниченко есть эпизод, как один шахтер умер от тоски: ходил, ходил на закрытую шахту и в какой-то момент не смог, не превозмог того, что ничего и никогда уже больше не будет. Об этом, кстати, трогательно и возвышенно словами Экзюпери говорит один молодой герой Мирошниченко: *«Величие всякого ремесла, быть может, прежде всего, в том и состоит, что оно объединяет людей: ибо ничего нет в мире драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком».* Автор шахтерских пьес знает это не по цитате, а по тому, как встречают его товарищи прошлых лет, оставшиеся в пустоте своего безработного захолустья, по тому, как собирали шахтеры «по десятке» на первую книгу своего, настоящего друга и летописца.

Эту очень важную народную тему, эту резонансную тональность отношения к жизни справедливо и точно подчеркнул автор предисловия к новой книге, известный драматург Александр Гельман: *«Театры перестали интересоваться жизнью и судьбой простого, нормального человека. И что особенно печально - сами простые, нормальные люди в качестве зрителей не очень-то хотели видеть на сцене отражение своих переживаний, заблуждений, конфликтов. Думаю, этот сборник пьес, достаточно полно представляющий творчество Юрия Мирошниченко, выходит ко времени, в самый раз. Дай Бог, чтобы я не ошибся!»*

Вы не ошиблись. Мы, люди театра, друзья и просто все, кому удалось уже с этой честной книгой познакомиться, это утверждаем.

[Дроздович Светлана](#)